ВЯЧЕСЛАВ ГУСЕВ

НЕ МОЕ ДЕЛО

психологический детектив-триллер

18+

Вячеслав Гусев

Не мое дело

https://litres.ru/74781312
SelfPub; 2026

Аннотация

Пятеро незнакомцев просыпаются в герметично закрытой квартире. У каждого на груди номер от 1 до 5. На стене — инструкция: «Один из вас — убийца. Остальные — его жертвы. У вас есть 72 часа, чтобы вычислить, кто есть кто. Если к исходу третьего дня убийца не будет найден, все умрут».

Содержание

Глава 1. 4
Глава 2. 15
Глава 3. 26
Глава 4. 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Вячеслав Гусев
Не мое дело

Глава 1.

Сначала звук. Ровный, низкий гул — так гудит холодильник в ночи, только громче, ближе, будто источник звука прижат к затылку. Потом холод. Простыня под щекой лежит жёстко, накрахмаленно, и от неё тянет стерильным — не порошком, а тем, чем пропитаны медицинские перчатки.

Марина открывает глаза.

Потолок. Белый, без единой трещины, с круглой лампой за матовым рассеивателем. Ни карниза, ни люстры, ни пыли по углам — потолок, который моют каждый день. Она лежит на узкой кушетке в комнате без окон. Свет ровный, теней нет. Едва она это замечает, как замечает второе: на груди, на свитере, приклеен белый пластырь. На пластыре — цифра. Единица.

Она садится слишком быстро. Пульс подскакивает, виски стягивает обручем, и первые секунды она не думает ни о чём — просто слушает, как сердце бьёт в горло. Под правым запястьем — тугой чёрный браслет с крошечным зелёным огоньком. Огонёк мигает. Ровно, терпеливо, как метроном.

— Так, — она произносит это вслух, и голос выходит сип-

лым. — Так. Так-так-так.

Ты дремала в ординаторской между вызовами — бывает. Проснулась не там — бывает. Бывает и хуже.

Плохая идея — успокаивать себя медициной. Медицина подсказывает слишком много: будь её напоили, остался бы привкус; будь удар — головная боль была бы точнее, локальнее, пришла бы с тошнотой. Ничего нет. Между сном в своей спальне и этой белой кушеткой — ровный срез, будто по нему прошли лобзиком.

Она встаёт. Пол тёплый — с подогревом. Из кармана свитера выпадает ключ: один, маленький, с биркой «1». Комната, которую она только что покинула, — крошечная спальня: кушетка, стул, тумбочка. На тумбочке нет ни книги, ни часов. Ничего личного.

Гостиная встречает её запахом свежего кофе. И людьми.

Их четверо. Двое уже на ногах: лысый мужчина в дорогом свитере стоит у стены и рассматривает её — не испуганно, а оценивающе, как имущество на аукционе. Молодой парень в растянутой толстовке бьёт чем-то по стальной двери — глухо, раз за разом, без злости, с механическим упорством человека, у которого мысль пришла раньше страха и теперь не отпускает. Седой мужчина с лицом, расстеленным терпением, сидит на диване. Женщина лет сорока с узким испуганным лицом вжалась в угол кухни и смотрит на всех сразу и ни на кого отдельно.

— Дверь не поможет, — лысый не оборачивается. — Она

стальная. Она нигде не откроется. И, помолчав: — Виктор Штейн. Предприниматель. Прошу любить.

— Кирилл, — парень отшатывается от двери, дыша ртом. В руке — стальная ножка отломанного стула. — Кирилл Донцов. Я стримлю. То есть стримил. То есть…

— Тише, — седой поднимает ладонь, как регулировщик на переходе. — Павел Град. Отставной следователь. Предлагаю пока не представляться, а осмотреться. Всему своё время.

Марина подходит к стене между кухней и гостиной. Там, в раме без стекла, закреплён лист. Офисная бумага, типографская печать, шрифт без засечек.

«ОДИН ИЗ ВАС — УБИЙЦА. ОСТАЛЬНЫЕ — ЕГО ЖЕРТВЫ. У ВАС ЕСТЬ 72 ЧАСА, ЧТОБЫ ВЫЧИСЛИТЬ, КТО ЕСТЬ КТО. ЕСЛИ К ИСХОДУ ТРЕТЬЕГО ДНЯ УБИЙЦА НЕ БУДЕТ НАЙДЕН, ВСЕ УМРУТ».

Слова простые. Короткие. Марина читает их дважды, третий раз — и только на четвёртый понимает, что переводит их с русского на русский, потому что отказывается взять смысл целиком.

— Читали? — спрашивает она.

— Пять раз, — отвечает Град. — Двусмысленностей не вижу.

— Это чушь, — Штейн отворачивается от рамки с видом человека, закрывающего ноутбук. — Дешёвый перформанс. Наняли статистов, снимают контент для тупых каналов. Че-

рез час объявят, что мы победили.

— Через час, — Марина смотрит на его грудь, где под свитером проступает белая полоска пластыря, — у каждого на теле номер. Мой — единица.

— А у меня, стало быть, пятёрка, — усмехается Штейн, но усмешка выходит кривой. Он растирает лоб ладонью — жестом человека, который уже поймал себя на том, что заглядывает в потолочный угол.

Она тоже его видит. Крошечный объектив вверху, в стыке стены и потолка, замаскированный под датчик сигнализации. Камера смотрит вниз, и Марина чувствует этот взгляд физически, кожей — как сквозняк. Кем бы ни был тот, кто за ней, ему всё равно, верят они в инструкцию или нет.

Дверь заперта. Датчики на стенах, тепло в полу, свежий кофе. О нас позаботились. Люди не заботятся о том, кого намерены отпустить.

Женщина с кухни наконец выходит в гостиную. Пальцами теребит свитер на груди, где тоже — белая полоска.

— Ася, — произносит она почти беззвучно. — Ася Ветрова.

— Четвёрка? — спрашивает Град.

Она кивает и отводит глаза.

Пять дневников

Кирилл находит тетрадь первым — кричит из спальни: «Тут что-то есть!»

Марина идёт на голос. В каждой спальне, под подушкой,

ровно по центру лежит тетрадь. Тёмная матовая обложка, никакого названия. На форзаце — номер и имя. Она открывает свою: «Марина Соловьёва». Ровные колонки дат. Её собственный почерк.

Она листает. Записи идут подряд, месяц за месяцем, и каждая — как вынутая из её головы: «Дочь перестала целовать на ночь. Говорит: ты пахнешь реанимацией». «Опять дежурство. Устала любить чужих людей больше, чем своих». Она не писала этого. Никогда. Ни в какой дневник — у неё и дневника-то не было лет пятнадцать.

А потом — последняя страница. Она читает её, и пол уходит из-под ног.

«Сегодня ночью у меня был выбор: пересдать анализ или отпустить. Я не пересдала. Не успела. Не успела, и она…»

Строка обрывается. Не дописана — разорвана на середине, как звонок в дверь, после которого никто не открыл.

В гостиной все собираются с тетрадями в руках — кто крепче, кто бережнее. Лицо у Кирилла серое. У Аси — как у человека, который забыл, как дышать по расписанию.

— Это наш почерк, — Кирилл поднимает свою тетрадь. — Смотрите. Это мой почерк, и это не мои записи.

— Почерк подделать можно, — Штейн даже не глядит на тетрадь. Он стоит у стены, где нет окна, и смотрит сквозь обои на улицу.

— Мой — нельзя, — Кирилл трясёт тетрадью. — У меня «д» с хвостиком вниз. Всегда, с четвёртого класса. Здесь —

с хвостиком вниз.

— Присядем, — Град кладёт свою тетрадь на стол и накрывает ладонью, как будто она может уползти. — Предлагаю прочесть вслух. Всё. Сразу. Так хоть не будем гадать, кто что прячет.

— Это частная собственность, — Штейн прижимает свою тетрадь к груди. Резко. Быстрее, чем говорил до сих пор. — Не имеете права.

— У тебя на груди номер, Штейн. Тут чертовски расплывчатое понятие прав.

Марина выравнивает голос:

— Компромисс. Последняя страница. Каждый читает сам, вслух. Дальше — молчание до утра.

Молчание принимают. Первой отказывается Ася — потом, ровно через восемь секунд, которые Марина считает, чтобы не думать, соглашается.

Ася читает, глядя в стол:

— «…девятнадцать лет, попросила без рецепта. Отпустила без вопросов. Не предупредила, что с её антидепрессантами…» Голос обрывается. — Дальше не буду.

— Читай, — Град говорит негромко. — Кому ты это пишешь.

Ася дочитывает до конца. Штейн смотрит в стену. Потом его очередь. Он держит тетрадь на весу, как мокрое бельё.

— «Партия ушла в аптечную сеть. Отзыв не оформлял. Оформим после — когда уляжется шум», — он читает ско-

роговоркой и закрывает тетрадь.

— Шум от чего? — спрашивает Град.

Штейн не отвечает. И тогда Марина встаёт на свою страницу. Она читает, и собственный голос кажется ей чужим — слишком ровным, слишком врачебным:

— «Не пересдала. Не успела. Не успела, и она…»

— Не кто — она? — Кирилл подаётся всем корпусом вперёд. — А кто из нас тогда… этого не писал? Мы все — о чьей-то смерти?

Пять последних страниц. Пять тетрадей. Пять смертей — или одна, пять раз повторённая.

Град медленно разворачивает свою страницу. Читает на одном дыхании, не разжимая челюсти:

— «Звонок. После него я закрыл папку». Больше ничего. Всё.

В гостиной становится тихо так, что слышно, как гудит вентиляция под потолком. Марина смотрит на лица. Никто не смотрит на неё. Никто не смотрит ни на кого. Ася гладит цифру на груди — сильно, костяшками, будто хочет стереть её вместе с кожей.

— Профессиональный подход, — Штейн опять сменил регистр: голос у него лёгкий, почти весёлый, как у человека, решившего, что лучший способ не умереть — притвориться, будто всего этого нет. — Завтра утром садимся и разбираем каждый день каждого. Даю слово: к вечеру второго этот дурдом разложим на атомы.

Он слишком спокоен. Пациенты, которые знают диагноз раньше врача, выглядят именно так. Их пугает не сигнал. Их пугает, когда сигнал узнают остальные.

— К вечеру второго, — повторяет Град. — Сначала продержимся до утра.

К вечеру квартира заканчивается. Град обходит её дважды с карандашом и чертит схему на зеркале в ванной — жирным маркером, аккуратными квадратами, как на развороте уголовного дела. Люк в кухонной стене щёлкает ровно в восемь: ржавый стальной клапан, из него появляются контейнеры — гречка, макароны, окорока в вакууме, ящик гранулированного кофе. Все проверяют одинаково: на окороках нет наклеек, на пакетах нет дат, на контейнерах нет ничего, по чему можно понять город, поставщика, время.

— Кто вы такие и что у вас общего? — Град задаёт вопрос за ужином. Вилка в его руке лежит правильно, как хирургический инструмент.

— Врач, — Марина. — Кардиолог.

— Блогер, — вздыхает Кирилл. — Ну, это раньше. Сейчас — убийца, судя по рамке на стене.

— Провизор, — Ася смотрит в тарелку. — Обычная аптека.

— Предприниматель, — Штейн жуёт медленно, обстоятельно. — Фармдистрибуция. Вы уже слышали.

— Ничего общего, — подытоживает Град. — Пятеро разных профессий, не связанных между собой, попавших в

один замок. Никто не верит в совпадение.

Штейн отставляет вилку:

— А я верю. Совпадения дёшевы. Дешевле только этот павильон.

Он говорит и ходит — от стены к камере, от камеры к стене — и постукивает ногтем по объективу, как по стеклу соседа, которому налил лишнего. Чай пьёт из большой кружки, неторопливо, и, когда ставит её на стол, та стучит о столешницу ровно, без единого дрожания. Марина смотрит на эту руку, спокойную до последнего сантиметра, и ей становится неуютно — не от несоответствия, а от узнавания. Это равнодушие к сигналам она видела у пациентов, которые знали свой диагноз раньше, чем им его называли.

Кирилл в девять вечера разбирает сломанный стул и из ножки выстругивает дубинку — недлинную, с обмоткой из скотча. Он не скрывает этого. Ася отворачивается, когда он проходит рядом. Марина отмечает: не от страха. От отвращения — что странно, потому что от этого дома, по идее, должен был бы отворачиваться каждый.

Так отворачиваются не от оружия. Так отворачиваются от привычки. От навыка. Она узнала что-то, чего Марина пока не знает.

Павел в одиннадцать запирает за собой спальню — по графику дежурств, который он повесил на дверцу холодильника. Марина остаётся в гостиной допивать чай. Она слышит, как где-то скрипит металл, потом тишина, потом снова

скрип — аккуратный, методический. Она встаёт.

В спальне номер два Павел стоит на стуле и выкручивает вентиляционную решётку над кроватью. Он оборачивается на шаги, но не велит ей уходить — молча поворачивается к решётке. Внутри, среди пыли, ровно сложенный лист плотной бумаги. Он разворачивает его одним движением.

«14 ОКТЯБРЯ».

Печатными буквами. Прописными. Ровными, как по трафарету.

— Четырнадцатое октября? — голос у Марины выходит сухим. — Что это?

— Дата, — Град поворачивает лист к свету. — Просто дата. Ничего больше.

И тогда это происходит. Марина хватается за дверной косяк — не чтобы опереться, а потому что колено сгибается само, без её ведома. Мировая ось сдвигается на миллиметр, и всё, что за двадцать лет выстроено вокруг неё — карьера, дочь, привычка не вспоминать, — съезжает к этому листку бумаги.

Четырнадцатое октября. Не думать. Не думать сейчас.

— Марина Викторовна, — Град смотрит на неё внимательно. — Вы бледны. Вам плохо?

— Нормально, — она разжимает пальцы на косяке. На дереве остаются четыре вмятины. — Просто укачало.

— Тогда идите спать, — он говорит это ровно. — Утром обсудим.

Ровно. Но в словах «идите спать» слышится и другое — «вы что-то знаете». Марина кивает и выходит, спиной вперёд, не разворачиваясь, как выходят из кабинета, где произнесли в её адрес показание.

В дверях, в полутьме гостиной, стоит Кирилл. Он слышал. Или видел её лицо — этого достаточно. Он молчит. Она проходит мимо и не оборачивается.

Над стальной дверью мигает табло. Цифры врут ей, что времени полно: 71:12:00.

Но Марина знает теперь то, чего не знает никто из оставшихся: не ей ждать, когда дом её убьёт. Дом уже всё решил. И то, что случилось четырнадцатого октября, — не прошлое. Это приговор, который она подписала собственной рукой.

Глава 2.

В половине шестого утра кухня пахнет горелой горечью. Кирилл стоит у плиты с черпаком в руке и варит то, что на его канале называлось лайфхаком для студентов: растворимая гранула, крутой кипяток, щепоть соды. Гранулы из продуктового набора спрессовались в кирпичи, и он скалывает их ножом, как лёд. Нож идёт туго, с хрустом, и этот хруст в мёртвой тишине квартиры звучит почти непристойно.

Марина останавливается в дверях. Лицо у Кирилла серое, под глазами тени, рубашка на нём вчерашняя — смятая, с оттянутым воротом, будто он ночь не спал, а спорил с кем-то невидимым.

— Не спал, — говорит она. Не спрашивает — констатирует.

— А вы? — он не оборачивается.

— Врачей будят в любое время. Привычка спать чутко.

— Везёт вам.

Она подходит ближе. Вода в кастрюле вздрагивает, Кирилл выключает конфорку, и над плитой поднимается пар — он тянет его ладонью к лицу, будто хочет спрятаться за этим тонким облаком. Руки у него пахнут жареным металлом — так пахнет новенькая сковородка, если оставить её пустой на огне.

— Скажи прямо, — Марина понижает голос. — Что ты

видел ночью. У вентиляции.

Кирилл молчит ровно три секунды. Потом ставит черпак. Тот звякает о край раковины.

— Дату. «Четырнадцатое октября». И ваше лицо, Марина Викторовна. Вы поменяли цвет за секунду. Так не краснеют и не бледнеют от простого числа.

Он наливает кофе в две кружки — вторую ставит перед ней, не спрашивая, хочет ли она. Кофе выходит цвета глины. Пить это почти невозможно, но она обхватывает кружку ладонями — не ради вкуса, ради тепла. В этом доме тепло было только в полу и вот в этой глиняной воде.

— Я работала в ту ночь, — говорит Марина. — Ночь четырнадцатого октября. Реанимация. Ночная смена.

— И?

— И всё. Пациент не дожил до утра. Впервые за одиннадцать лет. Деталей я не помню. Кардиологам не задают вопросов, кого именно привезла скорая, — к нам привозят, и точка. Такая у нас профессия: с лицом, но без имён.

Кирилл смотрит в кружку. Пар от неё ползёт тонкой лентой вверх и растворяется у потолочной камеры, и Марина ловит себя на том, что тоже смотрит туда, вверх, — на этот неприметный глаз в белом потолке. Она уже привыкает, что у дома есть зрачок. Это самое унизительное из всего, к чему можно привыкнуть.

— Понимаю, — говорит Кирилл.

Слишком легко. Марина пьёт свою глину и смотрит на

него из-под края кружки. Поверил. За четыре секунды поверил человеку, чья страница в тетради обрывается на слове «она». Либо он очень добрый, либо очень напуганный, и второй вариант ему к лицу больше.

Он боится конфликта сильнее, чем смерти. Таких удобно использовать. Таких уже используют — просто он об этом не знает. И она, выходит, тоже.

Она ставит кружку. Дно стучит о столешницу.

— Спасибо за кофе.

— Вы ведь не всё сказали, — Кирилл произносит это ей в спину, тихо, без нажима — так говорят в спину, когда не хотят услышать ответ. — Так ведь?

Она не оборачивается. Дверь кухни закрывается мягко, без скрипа, как и всё в этом доме — продуманно, бесшумно, на совесть.

За завтраком Павел раскладывает на столе пять тетрадей — торжественно, как карты перед пасьянсом, — и стучит пальцем по столешнице. Звук сухой, тройной.

— Вопрос один. Либо мы читаем всё, целиком, каждый лист, — либо каждый таскает за собой улику. Против всех. И против себя. Выбирайте.

— Юридически грамотнее иначе, — Штейн поднимает палец. — По одной странице в день. В присутствии всех. Под запись.

Он кладёт на стол свой телефон. Экран тёмный, мёртвый — сети нет с первой минуты. Но диктофон внутри, как вы-

яснилось вчера, работает исправно и пишет без спроса.

— Ты своему телефону доверяешь? — Марина смотрит на тёмное стекло. — В чужом доме?

— Диктофон — это я сам, — Штейн пожимает плечами. — Я и есть запись. Всё остальное — облака и вера в приватность.

Град смотрит на него долго. Потом переворачивает взгляд на Асю — и первый голос принадлежит ей. Она сидит, держа тетрадь обеими руками, как держат больную птицу: не сильно, чтобы не раздавить, и не слабо, чтобы не улетела.

— Я согласна, — говорит она. Голос дрожит — но не так, как дрожат от страха. Ниже, глубже, где-то в горле. Так дрожат от стыда. — Читать всё. Начните с меня.

Марина смотрит на неё и понимает: Ася боится не правильных вещей. Не двери, не таймера, не камеры над потолком. Она боится своих страниц — и тем самым сама подтверждает, что они её. Страх можно подделать. Стыд — почти никогда.

Если боишься своих слов — значит, писала их. Где-то. Когда-то. Может, даже не помня.

Марина разглядывает браслет на своём запястье. Зелёная точка мигает сквозь ремешок — ровно, терпеливо, никуда не спешит. Рядом с датчиком она нашла утром выгравированную надпись, которую вчера не разглядела: цифры. 14.10. Дата на браслете. Дата в вентиляции. Дата — не на всех браслетах, она проверила украдкой за завтраком: у остальных

там пусто, у неё — есть.

Кто-то выложил обрывок в решётку намеренно. Для неё. Не для всех — для неё. Наблюдатель говорил с ней лично, а это хуже любого общего приговора. Приговор рассчитан на всех и потому греет: вместе страшнее и легче. Записка — на одного. Записка отрезает от группы.

— Читаем, — Град открывает Асину тетрадь. — С неё. С первой.

После завтрака он устанавливает порядок: стол, четыре стула, пятый — пустой, для тех страниц, что останутся несказанными. Ася читает первой. Она стоит — Град велел ей стоять, «так легче дышать и труднее врать», — и держит тетрадь на весу.

— «Пятнадцатое число. Девочка лет девятнадцати. Продала без рецепта. Не предупредила о несовместимости с антидепрессантами. Она спросила, поможет ли. Я сказала — поможет», — Ася глотает воздух, и в кухне слышно, как гудит старый вентилятор над плитой. — «Это было моё распоряжение. Смена была — и смена отвечала».

Кирилл вскакивает так резко, что стул падает. Падает тяжело, всей своей стальной ногой, и звенит по полу.

— Ты продавала?! Без рецепта?! Из-за таких, как ты, людей…

— Сядь, — говорит Град. Ровно. Как режут.

Кирилл садится. И тут получает своё — по кругу, без пощады. Штейн перелистывает его тетрадь лениво, как ката-

лог, находит:

— «Съёмку выложил раньше скорой. Успел смонтировать превью. Выложить раньше скорой», — Штейн растягивает слова, пробует их на вкус. — Прекрасная формулировка, Донцов. Вирусная, я бы сказал. Уважаю.

— Я не помню этого, — голос Кирилла ломается посередине, как меловой прутик. — Не помню!

— Все так говорят, — Штейн откидывается. — Не помню, не я, не знал. Классика жанра.

— Достаточно, — Марина кладёт руку на стол. — Мы не суд. Пока не суд.

— Мы — не суд? — Штейн поднимает бровь. — На стене написано иначе.

— На стене написано, что нужно вычислить. Не осудить.

Марина листает свою тетрадь дальше, чем читали вчера, и натыкается на чужие фразы. Не похожие — одинаковые. «Не успела». Так же обрывается Асина страница. Так же заканчивается запись Штейна: «Не успел отозвать». Пять тетрадей — одна фраза, будто один человек писал пять жизней и в каждой не успел. Она морщится — от этой симметрии в животе холодеет, как перед рвотой.

— По строчке, — Град протягивает руку. — Каждую — сюда.

Он раскладывает листы на столе крестом и водит над ними пальцем, как водят над уравнением. Ритм один. Те же вводные слова. Те же длинные тире. Те же повторы — «не

успел», «не предупредил», «не оформил». Даже запятые, кажется, стоят на одних и тех же местах. Он поднимает голову:

— Это писала одна рука. Человек, который знал нас всех. Или — руки, натренированные одинаково.

— Параноики пишут одинаково, — Штейн зевает, прикрывая рот ладонью, и зевок выходит длинный, сытый. — Да ещё и под диктовку паранойи.

— Бумага, — Марина подносит свою тетрадь к лампе, наклоняет. На просвет видна водяная сетка, плотность, дорогая рыхлость листа. Она обходит стол, сверяет чужие тетради со своей. Одинаковые. Одна партия. Один заказ. Одна рука, которая их выбрала.

— Значит, подделка, — Град кивает сам себе. — Кто-то задолго до нас собрал наши почерки. Налитую руку, стиль, привычки. Это готовили. Месяцы. Возможно, годы.

Пауза. Вентиляция гудит над головой. Град добавляет то, что все поняли, но никто не сказал вслух:

— У него есть всё. Наши биографии. Болезни. Привычки. Кто нам наливал чай, кто нам писал рецепты. Всё. И это всё он умеет воспроизводить на бумаге.

И тогда Ася, не поднимая глаз от своих рук, спрашивает тихо:

— А если дневники не подделка?

В гостиной становится так тихо, что Марина слышит, как щёлкает её браслет — при каждом повороте кисти, мелко и сухо. Никто не хочет додумывать эту мысль до конца. Она

висит между тарелками и остывающим кофе, и каждый отводит от неё взгляд, как отводят взгляд от грядущего: не смотришь — не случится.

— Работаем дальше, — Град собирает листы в стопку и хлопает ею о стол. Звук выходит злой, хлёсткий. — С этого часа я ищу не убийцу. Я ищу лжеца. Тот, кто лжёт, — и есть наш человек. Ложь оставляет следы. Правда — только пот.

Он убирает тетради в тумбочку и запирает её на свой ключ. Штейн наблюдает за этим со спокойной усмешкой человека, который уже решил, что запирать — бессмысленно, но не мешает, потому что смотрит на это как на спектакль.

В половине третьего ночи браслеты кричат разом. Резкий, тонкий писк — из всех спален, сквозь стены, отовсюду. От него сводит зубы, и он не прекращается — растёт, наслаивается, и невозможно понять, откуда идёт: отовсюду и ниоткуда. Марина вскакивает раньше, чем успевает проснуться. Над дверью гостиной вспыхивает табло: «МЕДИЦИНСКИЙ МОДУЛЬ: ПАЦИЕНТ №5».

Она бежит первой. Дверь спальни номер пять не заперта — распахивается от толчка ладони, и внутрь вылетает волна запаха: пот, страх, что-то металлическое на языке.

Штейн на полу. В поту, в липкой рубашке, прижал ладонь к груди, лицо серое, губы синеватые. Марина падает на колени рядом, находит пульс — рвётся, неровный, но есть. Аритмия. Не остановка. Дом зафиксировал болезнь, но не убил. Пока.

— Ася! — кричит она в темноту. — Нитроглицерин, если есть!

Ася появляется в дверях с фонариком — свет дрожит по стене, будто и луч боится темноты. Марина отодвигает одеяло и видит то, чего не должна была видеть: под изголовьем матраса, аккуратно, как в тайнике, — аптечка. Официальная, большая, с ячейками. Она наклоняется и узнаёт пачки: бета-блокаторы, нитраты, антиаритмическое. Всё то, о чём Штейн не сказал группе ни слова.

— Личная аптечка, — Штейн смотрит на неё снизу, с пола, и усмехается краем губ. Уголок дёргается. — Личное здоровье — личное дело.

— У тебя ишемия, — Марина говорит это не как вопрос. Она кладёт таблетку ему под язык — он открывает рот без сопротивления, как больной, который знает, что спорить не с кем.

— Была ишемия. Теперь — твоё знание. Счастливого пользования.

Ася наклоняется ближе, смотрит на пачки и называет действующее вещество — тихо, на одном дыхании, как называют родное имя. Для неё эти упаковки — как семейный альбом: она сортировала такие сотнями, ставила на полки, считала остатки.

— Ты собираешь, — говорит Марина, не отрывая глаз от тонометра. — Всю дорогу. Зачем?

— Мода, — Штейн закрывает глаза. — Каждому — своя.

Пока Марина обматывает тонометром его запястье, Штейн не смотрит на прибор. Он смотрит в потолочный угол — на камеру. И лицо у него не страха. Лицо — злости. Так злятся не на болезнь. Так злятся на того, кто где-то там, за стеной, посмел включить сирену без спроса.

Давление выправляется. Браслеты замолкают — сначала один, потом второй, потом все пять, и в наступившей тишине Марина слышит, как в коридоре тяжело дышит Ася. Штейн поднимается неловко, держась за тумбочку, и Марина видит, как он собирает себя по кускам, как собирают разбитую чашку: сначала дно, потом стенки, потом трещины, которые не склеишь.

— Выходи, — шепчет он ей. — Я в порядке. Позови остальных.

Она выходит. Ася задерживается в дверях ещё на мгновение — потом тоже уходит, и по коридору слышно, как хлопает дверь гостиной. Хлопает некрепко — просто дверной пружиной.

Марина возвращается за забытой ампулой. Она уже на пороге, когда видит: Штейн стоит на стуле у вентиляции. Решётка в его руках. Он суёт в проём свёрток — плотный, обмотанный серой тряпкой, затягивает саморезы почти беззвучно, и работает быстро и уверенно, как человек, который делал это раньше. Не раз. Пальцы знают своё место, саморезы идут по резьбе мягко, и ни один не скрипит.

Он оборачивается. И не пугается.

Он кивает ей — коротко, как кивают сообщнику за общим столом.

— Не сейчас, — шепчет он через полкомнаты. — Спроси меня завтра. Когда все будут спать.

Марина стоит с ампулой в руке и молчит. Она не выдаёт его. Не кричит. Не будит Града. Она закрывает за собой дверь — и уже в коридоре понимает, что только что сделала выбор, и этот выбор будет стоить ей дорого. Дороже, чем ампула в её ладони. Дороже, чем тишина, которая сейчас легла между ней и Штейном, как договор.

Табло над стальной дверью отсчитывает в темноте: 56:40:00. И Марина впервые понимает, что страшнее всего в этом доме не таймер и не рамка с инструкцией. Страшнее всего — что теперь у неё есть секрет, который надо прятать от каждого, кто спит за этими ровными, вымытыми дверями. И что прятать его придётся до самого нуля.

Глава 3.

Утро начинается с графа. Павел вешает на холодильник новый лист: дежурства, часы, расписание прогулок по квартире — прогулок, которых нет, потому что выйти некуда. Бюрократия в четырёх стенах. Марина читает графу «Медконтроль» и видит, что в восемь ноль-ноль там значится её имя рядом с фамилией Штейна.

Она не знает, смеяться ей или начать бояться. Расписание, которое ведёт надзиратель, удобно и надзираемому: рядом со своим пациентом.

В восемь Штейн уже на кухне. Он греет воду в маленькой кастрюле и нарезает галету на аккуратные квадраты — так нарезают на бизнес-ланчах, экономно и по линейке. Когда Марина проходит мимо, он придвигает ей стул ногой, не глядя.

— Утро начинается, — говорит он.

— С договорённостей, — отвечает она. — Мы договаривались о разговоре. Я пришла.

— И пришла вовремя. Уважаю.

Он наливает кипяток в две кружки. Пакетики достаёт из кармана — свои, личные, из той же аптечки, что и его таблетки. Дорогие, узнаваемые, с золотой каймой.

— Говори, — Марина садится, обхватывает кружку ладонями. — Что было вчера ночью. В вентиляции. Что ты спря-

тал.

— Скушный ты человек, Марина Викторовна. Сразу к делу.

— Я врач. Дела — моя работа.

— Тогда у меня к тебе дело, — Штейн поднимает на неё глаза, и в них нет ни сна, ни усталости, только расчёт, тонкий, как проволока. — Я скажу, кто нас собрал. Но потом. Сначала ты поможешь мне с одной вещью.

— С какой?

— Не уточняю, — он ставит на стол ложку. Ровно, без звона. — Сначала помощь. Потом имя.

— Ты больной человек, Штейн. У тебя в матрасе аптечка против аритмии. Ты сейчас не торгуешься. Ты выживаешь.

— А ты сейчас не врач, — спокойно отвечает он. — Ты — узница. У нас разные специальности.

Марина молчит. Она не знает, что страшнее: то, что он торгуется, или то, что торгуется так спокойно — будто уже проиграл партию и играет теперь в другую.

Он предлагает ей сделку. С одним из сидящих по эту сторону камеры. С кем он вообще договорился — с ними или с ней? И почему ей кажется, что эти вопросы — не из одной тюрьмы.

Дверь на кухню открывается без стука. На пороге — Павел. Он не спал всю ночь, это видно по лицу: не по мешкам под глазами, а по тому, как он смотрит — в упор, без щадящего поворота, как смотрят на место происшествия.

— Хорошо вы по мне соскучились, — Штейн первым находит тон.

— Вентиляция, — Павел не отвечает на шутку. — Над спальней номер пять. Саморезы ослаблены. Двое из четырёх провернулись на пол-оборота. Кто-то туда лез. Сегодня ночью.

— И вы решили, что это я, — Штейн улыбается. — Логично. Я и лез. Проверял тягу. В доме должно быть чисто.

— Марина Викторовна, — Павел поворачивается к ней, и голос у него ровный, оттого страшнее. — Вы знали. Вы стояли рядом. Вы молчали.

— Я стояла рядом с моим пациентом, — отвечает Марина. — У которого ночью был приступ.

— Пациент, — Павел повторяет слово и пробует его на зуб. — Сговор с первым подозреваемым — это теперь тоже врачебная тайна?

— Тайна распространяется и на похитителей, — Марина поднимает глаза. — И на следователей в отставке, которые ведут себя как прокуроры в чужом доме.

— Прекрасно, — Павел хлопает ладонью по столу. Негромко, но со звуком. — У нас появился прецедент: один знает, двое знают, завтра — все. Продолжим в том же духе.

И тут люк стрекочет. Стальной клапан в стене вздрагивает, как будто у него спазм, и выкатывает наружу плотный конверт — жёлтый, канцелярский, с надписью от руки. Марина поднимает его и читает вслух:

— «Уликат номер один. Всем».

— Открываем, — Павел садится. — Немедленно.

Внутри — пять фотографий. Глянцевые, чёткие, снятые с профессиональной оптики издалека. Марина узнаёт свою первой: она выходит из боковой двери клиники, в плаще, с зонтом. Дата съёмки стоит в правом нижнем углу: тринадцатое октября.

Она обходит стол, раздаёт фотографии молча. Кириллу — его студия стримов, снятая с другой стороны улицы, с ракурса из машины. Асе — аптека, выход, сумка через плечо. Штейну — ресепшн «Гелиос-Фарма», мраморная стойка, он подписывает что-то на ходу, не глядя на руку с ручкой. Павлу — загородный дом, ворота, он входит в них спиной, что-то держа в руке.

— Один и тот же день, — Павел первым называет то, что видят все. — Тринадцатое октября. У всех пятерых. Значит, за нами следили в один день. Значит, похищение спланировано с точностью до часа.

— И что с того, — Штейн пожимает плечами. — Слежка — это интернет. Каждый из нас за день даёт фотографу полсотни кадров.

Марина смотрит на его снимок. Он бледен — впервые за двое суток, по-настоящему, до костей лица. Он смотрит не на своё фото. Он смотрит на фотографию Павла.

Он узнал не место. Он узнал человека. Штейн знает Павла Града. С чего вдруг?

Она не говорит об этом вслух. Она молча запоминает — так, как запоминают показания на месте происшествия: точно, скоординированно, с датой.

Павел превращает гостиную в следственный кабинет за десять минут. Пять стульев в ряд. Тумбочка — как стол дежурного. На зеркале в ванной — третья схема: хронология, час за часом, крестиками и стрелками. Каждую стрелку он подписывает фамилией и временем.

— Рассказывайте последний день, — говорит он. — Тринадцатое октября. Все. По очереди. От пробуждения до сна.

Он записывает. Марина рассказывает первой — коротко, сухо: операция с утра, два консультативных приёма, выписка, вечер у подруги, такси. Она старается не думать о телефоне в тот вечер — о звонке, который приняла в очереди, — но Павел смотрит так, что приходится говорить.

— Затем я, — Кирилл трясущимися руками открывает ноутбук, но сети, как всегда, нет. Он рассказывает: монтаж, превью, выкладка — и резкий провал: — Потом… сон. Я не помню, как уснул. Я помню нарезку кадров, а не ночь.

Показания сходятся в одной точке подозрительно точно. Все пятеро заснули рано. Все пятеро выпили что-то перед сном: Марина — чай, Кирилл — минеральную воду, Ася — «стакан воды с таблеткой», Штейн — вино, Павел — чай с мёдом.

— Горьковатый привкус, — Ася говорит это первой, тихо, глядя в стол. — У всех? У всех был?

— У меня был, — Кирилл кивает. — С кислотой.

— Опишите словами провизора, — просит Павел.

Ася сидит ровно, как на экзамене:

— Средняя седация. Возможно, с миорелаксантом. Быстрое наступление, короткий выход. Препарат, который выводят из аптечной сети… или из оборота целиком.

— Я врачам не рассказываю, что пил, — отрезает Штейн, когда доходит его очередь. — Слышали уже.

— Мне теперь можно, — Марина говорит ровно, глядя ему в глаза. — У меня твой анамнез. Я имею право знать, что ты пил, жив ты или полужив, и что принимать дальше.

Пауза. Штейн молчит. Потом сжато, через зуб:

— Чай. Вечером чай, и потом — сон. Всё.

Он лжёт. Марина слышит это по тому, как он ставит чашку: раньше, чем нужно, на полсантиметра влево.

— Монтировал, — Кирилл рассказывает дальше. — Память работает выборочно. Я не помню ночь. Вообще. Это пугает меня больше всего.

— Пугает? — Штейн усмехается. — Меня пугает противоположное: что я всё помню. До последней минуты.

— Докажи, — говорит Павел. — Расскажи вечер.

И Штейн рассказывает — подробно, со вкусом, с деталями: ресторан, вино, официант, чаевые, такси. Слишком подробно. Так подробно, как рассказывают заученное.

Марина слушает и чувствует, как между лопатками проходит холодок: так не вспоминают. Так цитируют.

Павел доходит до собственной памяти. Он рассказывает, ровно и сухо, свой вечер: дорога из области, ужин, телефонный звонок. А потом он останавливается. У него на лбу — морщина.

— Дальше, — говорит Ася.

— Дальше — ничего, — Павел смотрит на своё запястье. — Между ужином и пробуждением — белое пятно. И запах. Озона. Как после грозы. Или как после стерилизатора.

У всех одно и то же: провал. Только провал — не минута, не вечер, а целая ночь. Их не похитили. Их усыпили заранее — по месту жительства. У каждого был свой человек в ту ночь. Кто-то, кому доверили стакан.

— Значит, так, — Павел встаёт и подходит к зеркалу. Он рисует последнюю стрелку — и не подписывает её. — Нас не похитили. Нас сдали.

Гостиная затихает. В тишине Марина слышит, как в коридоре скрипит половица — под шагом, который не делает никто из них.

Ася в этот момент смотрит не на схему на зеркале. Она смотрит на свои руки — на пальцы, которыми она, возможно, наливала, подавала, отмеряла. И пальцы у неё дрожат.

После допросов Марина уходит в санузел. Запирает дверь — не потому, что боится, а по привычке: врач в чужом доме прежде всего осматривает аптечку.

Шкафчик в стене. Белый, пластиковый, с маленьким замком. Она дёргает — заперто. Четырёхзначный код, о котором

никто не сказал ни слова. Она перебирает очевидное: даты, дни рождения, числа на табло. Не подходит. Она перебирает снова — и понимает, что перебирает не варианты, а вероятность.

Если бы я была архитектором этого дома, я бы не стала делать код случайным. Я бы сделала его логичным. Логичным для того, кто должен его открыть. Для врача, которую я похитил.

Третья попытка. Четыре цифры — 1401. Четырнадцатое октября. Замок щёлкает, и дверца открывается мягко, на магнитной защёлке.

Внутри — идеальный порядок. Бинты в заводской упаковке. Шприцы в индивидуальных пакетах. Антибиотики по алфавиту. Всё — как в аптеке, где держат пациента, а не жертву.

И одна пачка — отдельно, на верхней полке, с сорванной полосой контроля. Марина берёт её в руки. Пачка тонкая, в фольге. На лицевой стороне — крупная надпись: «Кальмиран». Производитель — «Гелиос-Фарм». Серия — К-2214. Срок годности истёк месяц назад.

Она знает этот препарат. Она назначала его. И она помнит новости осени: тихий отзыв, без шума, без расследования, о котором узнали позже, чем надо было.

Партия, которую не отзывали. Штейн вчера читал это в своём дневнике вслух. И вот она. У неё в руках.

Она выходит из санузла с пачкой в кулаке — почти стал-

кивается с Асей. Ася несёт бельё, свёрнутое в рулон, и смотрит на пачку.

И роняет его.

Рулон падает на пол. Звук мягкий, глухой. Ася стоит над ним неподвижно, и лицо у неё — не испуга. Лицо узнавания. Так узнают своего.

— Ты знала, — говорит Марина тихо. — Ты знала про эту пачку.

— Я видела её, — Ася поднимает рулон, прижимает к груди. — В моей аптеке эту партию сняли с продажи ещё до отзыва. Её нельзя было купить. Она не продавалась.

— А как она здесь?

— Счёт-фактура на неё приходила. Напрямую из «Гелиос-Фарма». Я не спрашивала. Я не хотела спрашивать.

Марина переворачивает пачку. На обороте — штемпель. Красными чернилами, ровно, печатными: «ОБРАЗЕЦ. НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ». И ниже — номер партии. К-2214.

Четыре последние цифры. Двойка, двойка, единица, четвёрка.

Она смотрит на них — и понимает, что видела их раньше. На форзаце своего дневника. В серийном номере тетради, которую ей положили под подушку.

Последние четыре цифры номера партии — в её дневнике. Не в чужом. В её.

— Ася, — Марина поднимает глаза. — Работала ли ты когда-нибудь с продукцией «Гелиоса»?

Ася качает головой. Но при этом смотрит — не на Марину. Она смотрит на дверь гостиной. За дверью — Штейн. Он пьёт чай. Он сидит вполоборота, спокойный, сытый, с пакетиком на блюдце.

Ася не отвечает. Она молча выходит.

Вечером Марина прячет упаковку в свой дневник — между страниц, как закладку. Запирает тетрадь, кладёт её под подушку и лежит в темноте, слушая, как за стеной скрипит половица. И этот скрип снова ни к чему не привязан.

Браслет на её запястье мигает зелёным. Один раз. Аккуратно. Словно одобряя.

Табло над дверью отсчитывает: 30:00:00.

Глава 4.

Кирилл находит Марину не в гостиной, а в спальне номер один — она сидит на кушетке, и между страниц её дневника торчит тонкий прямоугольник фольги. Она не прячет его, когда он входит. Просто кладёт ладонь поверх дневника и ждёт, пока он закроет за собой дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.